

Когда еду подали, Цзян Нин ушёл с головой в тарелку. До него лишь изредка долетали обрывки разговора — скучное обсуждение каких-то вариантов сотрудничества, от которого сводило челюсти.

Гу Юньчэн тем временем угодливо наполнил бокал Лу Чжиханя:

— Столько не виделись! Окажешь честь, выпьешь со мной?

Чжихань чуть отодвинул свой фужер:

— Извини. Здоровье ещё не пришло в норму, врачи категорически запретили алкоголь.

Юньчэн мысленно выругался: «Настоящая ледяная глыба, ничем не подступиться». Лёгкие жгло от досады, но показывать раздражение он не смел. Сжав бокал, он одним глотком осушил крепкий напиток, а когда обернулся, увидел, как Лу Чжихань обращается к юноше:

— Тебе нельзя спиртное.

— Я только пригубить, — надулся Цзян Нин.

— Пей это. — Чжихань подвинул ему свой стакан с апельсиновым соком.

Цзян Нин поджал губы, но спорить не стал: принял сок и с неохотой сделал пару глотков.

Губы Лу Чжиханя едва заметно дрогнули. Для любого другого это движение показалось бы незримым, но на его обычно бескомпромиссном, холодном лице оно выглядело невероятно. Гу Юньчэн на миг решил, что у него двоится в глазах.

Цзян Нин привык есть быстро. Насытившись, он не мог, как на вилле Лу, просто встать и уйти к себе, поэтому достал телефон. В изысканную мелодию скрипки бесцеремонно врезались мажорные, прыгучие звуки Subway Surfers, моментально разрушив всю романтическую атмосферу.

Гу Юньчэн несколько раз пытался завести душевный разговор, но каждый раз сбивался из-за этой раздражающей музыки. Наконец, нахмурившись, он хотел сделать парню замечание, но осёкся: Чжихань абсолютно игнорировал подобное бестактное поведение. Более того, его взгляд был прикован к экрану смартфона в руках Цзян Нина.

Выходит, все его ностальгические излияния, от которых уже пересохло в горле, Лу Чжихань попросту пропустил мимо ушей.

Цзян Нину надоело играть, а взрослые, похоже, и не собирались заканчивать. На душе стало беспокойно; несмотря на исправно работающий кондиционер, в кабинете казалось невыносимо душно.

— Я в уборную, — буркнул он и сбежал.

Но и в коридоре липкое раздражение не отпустило, так что в туалетной комнате парень первым делом ополоснул лицо холодной водой.

\*\*\*

В это время Гу Юньчэн, едва дождавшись, пока юнец скроется за дверью, тут же сменил тон на бархатисто-нежный:

— Чжихань, если честно, я пришёл не только ради бизнеса. Ещё в школьные годы ты казался мне невероятным, тебя все обожали — и учителя, и одноклассники...

— Ближе к делу, — сухо бросил Чжихань.

— Давай попробуем, — выдал Юньчэн. — Брак пригодится обеим нашим семьям. Да и вести быт вдвоём проще, я мог бы заботиться о тебе каждый день.

Воздух вокруг Лу Чжиханя словно мгновенно вымерз.

— Я не нуждаюсь в опеке, — его голос прозвучал с ледяным пренебрежением. — И потом, активы твоей семьи слишком ничтожны, чтобы равняться со мной.

С этими словами он привёл в движение электроколяску.

Терпение Гу Юньчэня, с трудом сдерживавшегося весь вечер, окончательно лопнуло.

— Заткнитесь вы оба! — рявкнул он на скрипачей.

Вскочив, он перегородил дорогу и захмелевшими руками вцепился в колёса:

— Ну давай, едь! Думаешь, ты всё тот же всемогущий Лу Чжихань? Чем ты гордишься?! Ты же калека, даже встать не можешь! Скажи спасибо, что я вообще на тебя позарился!

Пальцы Чжиханя под рукавом пиджака сжались в кулак так, что выперли вены, а взгляд стал жутковато-тёмным:

— Ты пожалеешь о каждом своём слове.

\*\*\*

Возвращаясь из уборной, Цзян Нин заметил двух музыкантов, которые в страхе выбегали из зала со своими футлярами. Нахмурившись, юноша прибавил шаг. Сквозь приоткрытую дверь до него донеслось:

— Ладно! В таком случае я лично проверю, действительно ли ты безнадежен!

Гу Юньчэн потянулся, намереваясь сдернуть плед с ног Чжиханя, но пальцы его так и не коснулись ткани — чей-то стальной захват сжался на его запястье. От вспышки дикой боли Юньчэн взвизгнул. Цзян Нин с мрачным лицом оттолкнул его с такой силой, что тот отлетел в сторону.

— Ах ты, сопляк!.. — зарычал Гу Юньчэн, готовый кинуться в драку.

Но оперевшись взглядом в тяжелый взор подростка, он вдруг осознал: этот мальчишка не только выше его ростом, но и смотрит на него так, будто готовый разорвать на части дикий зверь.

— Ладно, твоя взяла! — прошипел Юньчэн и поспешно ретировался.

Цзян Нин с отвращением посмотрел ему вслед. Удрал-таки, ублюдок. Задержался бы хоть на секунду — без выбитых зубов не ушёл бы.

\*\*\*

По дороге домой окончательно стемнело. Погода испортилась: небеса затянуло свинцовыми тучами, а когда они выходили из машины, ощутимо похолодало. Цзян Нин не покидало ощущение, что скоро хлынет ливень.

И действительно, среди ночи по стеклу застучали drobные дождевые капли. Шум был негромким, но Цзян Нин мгновенно разомкнул глаза.

На часах — глубокая ночь.

Он попытался заснуть снова, но против воли в памяти всплыл прошлый дождливый вечер: замерзающий, сжавшийся в комок Лу Чжихань на своей холодной постели.

А сегодня на улице ещё холоднее.

«Он же там не замёрзнет до смерти? Если заgnётся, я останусь в полном убытке».

Цзян Нин резко поднялся и, даже не набросив кофту, выскочил в коридор. Подойдя к спальне Чжиханя, он постучал:

— Эй, ты как там?

— Всё в порядке, — отозывалось из-за двери.

Голос не звучал сонным — скорее, протяжным и странно сдавленным, хоть шум дождя и заглушал интонации.

Поругав себя за излишнюю заботливость, парень замер у порога, сам не понимая, что его удерживает. Снова постучал и, глядя на тусклый свет из окна в конце коридора, сходу соврал:

— Лу Чжихань, если не спишь, открой. Я грозы боюсь.

Он был уверен, что Чжихань не оставит его мокнуть за дверью, однако из комнаты не донеслось ни звука. Капли с силой хлестали по стеклу. Раздражение снова поднялось из глубины души.

Прежде чем разум успел вмешаться, рука Цзян Нина легла на дверную ручку. Замок оказался незаперт, и створка бесшумно подалась вглубь.

Вместо привычного свежего аромата из комнаты пахло густым, тяжёлым винным перегаром.

В полумраке чётко вырисовывался одинокий силуэт на кровати. Человек молча смотрел в окно. В руке он сжимал бокал, а на тумбочке стояла бутылка красного вина, от которой осталась лишь треть.

Цзян Нин неосознанно сбавил шаг, боясь спугнуть эту тишину. Но Чжихань всё равно услышал. Он медленно повернул голову. В его потемневших глазах мелькнула тень смутения, а белки были прорезаны алой сеткой сосудов. Казалось, он только что плакал.

Хотя, возможно, Цзян Нину лишь показалось.

— Зачем ты пришёл? — тихо спросил Чжихань.

Цзян Нин растерялся и срезал в ответ:

— Врач разве не запрещал тебе пить?

— Разве? Я забыл.

Забыл? А сам ещё днём так убедительно отказывался за столом!

Чжихань запрокинул голову. Изгиб его шеи казался безупречным и хрупким, словно у тонущего белого лебедя, а тёмно-красный хмель скользнул по губам. Глаза подёрнулись хмельной пеленой.

Цзян Нин нахмурился. Сам глушит алкоголь втихаря, а другим морали читает — чистой воды двойные стандарты!

Осушив бокал, Чжихань потянулся за бутылкой на тумбочке, но пальцы лишь едва задели стекло. Всего пара сантиметров. Однако тело отказалось подчиняться, превратившись в неисправный механизм. Бутылка качнулась и с глухим стуком свалилась на пол.

По белоснежному ворсистому ковру расплзлось тёмное винное пятно. Чжихань заворожённо уставился на него.

Цзян Нин подхватил бутылку.

— Беспомощный урод, правда? — донёсся до него тихий, отравленный самоиронией голос. — Даже с такой мелочью не могу справиться.

— Кто это тебе сказал? Тот вечерний идиотина? — Цзян Нин сжал челюсти. Знал бы он, какие гадости тот негодяй выльет на Чжиханя, не выпустил бы его из ресторана на своих двоих.

— Цзян Нин... — Чжихань заговорил глухо, с хрипотцой. Вся его дневная сдержанность и холодная броня осыпались прахом, обнажая кровоточащую рану: — Я уже начинаю забывать, каково это — просто стоять.

Он замолчал, будто с трудом подбирая слова:

— На самом деле я всё прекрасно понимаю. Скорее всего... я никогда больше не встану.

«Никогда» — страшное слово. Оно звучало как пожизненный приговор.

— Если ты хочешь встать, я помогу тебе прямо сейчас.

Цзян Нин сдёрнул с него одеяло. В глазах Чжиханя качнулся испуг, но уклониться от протянутых к нему рук он не успел. Цзян Нин обхватил его и с упрямством поднял с кровати.

Когда босые стопы коснулись ковра, Чжихань окончательно потерял контроль над собой. Пальцы дрожащих рук сжали воротник Цзян Нина, голос задрожал:

— Не надо... Ноги не держат!

— Держись за меня, — оборвал Цзян Нин. — Попробуй.

Он прижал Чжиханя к себе, поддерживая за талию. Вплотную, грудь к груди — так, что их дыхание и бешеный стук сердец слились воедино.

— Смотри. Ты стоишь.

Чжихань сцепил руки на его шее, точно гибкий плющ, обнявший единственный ствол. А Цзян Нин стал для него той самой опорой.

Многолетняя глухая броня, в которую Лу Чжихань заковал себя от мира, в эту дождливую ночь дала трещину от касания чужого горячего сердца.

Чжихань уткнулся лбом в пульсирующую жилку на его шее и едва слышно прошептал:

— Спасибо... что ты со мной.

Тёплое дыхание с лёгким винным ароматом коснулось мочки уха Цзян Нина, и в голове у парня мгновенно затуманилось. И лишь сейчас Цзян Нин осознал, насколько близко они находятся. Это давно перешло все допустимые границы.

Но, как ни странно, его собственное тело не выразило ни капли протеста.

Чжихань затих. Цзян Нин аккуратно уложил его обратно на подушки, поднял бутылку и спустился на кухню. Заварив антипохмельный чай, он вернулся в спальню, но Чжихань уже крепко спал. Позвав его пару раз и не получив ответа, Цзян Нин поставил чашку на тумбу, укрыл его одеялом и сам усталое опустился на диван.

\*\*\*

На следующий день оба сделали вид, будто ничего не произошло. Жизнь потекла в привычном русле.

Раньше Цзян Нину казалось, что два месяца — это целая вечность. Но когда классный руководитель Сю Гошэн с трибуны напомнил о подготовке к итоговым экзаменам, юноша внезапно осознал, как быстро пролетело время.

— Результаты этой сессии покажут, с чем вы войдёте в новый год! Не думайте, что раз вы пока в первом полугодии одиннадцатого класса, то можно расслабиться — сразу после каникул мы начнём программу выпуска!

«Никакого следующего полугодия у меня не будет», — мысленно отозвался Цзян Нин.

Он достал телефон. В календаре обратного отсчёта горела одинокая цифра. До его дня рождения оставалось два дня.

Глядя на маленькую иконку с праздничным тортом, он не ощущал ожидаемого облегчения. Должно быть, сыграла привычка. Куда проще было оставаться под крылом Лу Чжиханя, не думая о завтрашнем дне. Впрочем, уехать из Линьцзяна он планировал ещё очень давно. Просто появление Чжиханя смешало все карты.

— Босс, ты что, билеты смотришь? — подглядел Чжао Цзыцянь. — Собрался куда-то рвануть?

Цзян Нин свернул экран:

— Ага. Подработать.

— Ха-ха! Если нужны деньги, иди к нам, я тебе двойной оклад выбью! — похвастался Цзыцянь.

Конечно, это была лишь шутка. Одежда и вещи Цзян Нина стоили немалых денег, так что горбатиться в семейной мастерской Чжао ему точно не требовалось.

Цзян Нин под столом кликнул на экран. Выскочило системное окно:

[Билет успешно оформлен.]

Он закрыл глаза и убрал телефон в портфель. На душе было мутно. Он сам стремился к этому моменту, но теперь, когда побег стал осязаем, его охватила странная растерянность.

Поспать ему не дали — учитель Сю постучал по краю парты:

— Цзян Нин, за мной в учительскую.

Однако вместо нагоняя Сю Гошэн обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке? Лица на тебе нет.

— Всё нормально.

— Если нездоровится, иди в общежитие, отлежись. Я выпишу увольнительную.

Сжимая бумажку с печатью, Цзян Нин направлялся к жилым корпусам. Забота классного руководителя казалась непривычной — так обычно обращались только с отличниками.

Но отказываться от легального прогула парень не стал. Он отпёр дверь своей комнаты. За прошедшие месяцы здесь ничего не изменилось: постель, личные вещи — всё лежало на своих местах.

Вещей у него набралось немного — из дома Цзянов он ушёл практически ни с чем, так что для переезда хватило бы одного небольшого чемодана.

Смахнув пыль с матраса, Цзян Нин вытащил из-под подушки сложенный лист — результат теста на отцовство.

Блёклые буквы на бумаге раньше вызывали у него бурю ярости. Ведь именно этот документ перечеркнул всю его прошлую жизнь. Но сейчас, глядя на строчки, он не чувствовал ничего.

Поднявшись, он достал из стола зажигалку и вышел на балкон к раковине. Огонь жадно охватил бумагу, превращая страшные слова в серый пепел.

На душе стало необычайно легко.

Вернувшись на жёсткую деревянную койку, Цзян Нин попытался уснуть, но въевшийся запах пыли и твёрдый матрас отталкивали. Тело уже отвыкло. Он с тоской вспомнил мягкую, роскошную постель на вилле Лу. Да и готовили там потрясающе...

Он вынужден был признаться себе: уезжать не хотелось.

Прикрыв глаза, Цзян Нин провалился в беспокойный сон. Ему снился ливень, сжатый в комок Чжихань и его глухие, отчаянные слезы. Сон был настолько диким, что Цзян Нин проснулся с тяжёлой, гудящей головой.

\*\*\*

Вернувшись в класс, он увидел на своей парте пышную открытку. Это было приглашение на праздник в честь дня рождения «молодого господина семьи Цзян».

Имени не указали, но и так было ясно, о ком речь. Цзян Нин брезгливо швырнул карточку в

урну. Праздновать в один день с Цзян Цзяюем? С какой стати ему там появляться?

После уроков на выходе из школы его снова поджидал Цзяюй:

— Ты видел приглашение?

— В мусорке лежит.

— Боишься прийти? — усмехнулся Цзяюй. — Старый дом напоминает о прошлом?

— Я просто опасаюсь, что если приду, смеяться расхочется именно тебе, — бросил Цзян Нин.

— А на Дяньдянь тебе тоже наплевать? — придавил Цзяюй. — После твоего ухода пёс совсем сдал. Мачеха злится из-за шерсти, держит его на цепи во дворе, а на днях решила вообще отдать живодеру.

Цзян Нин нахмурился.

Мраморный бордер-колли Дяньдянь появился у него, когда Нину было семь лет. Он растил его десять лет, и пёс верой и правдой служил дому Цзян. По собачьим меркам он был уже глубоким стариком.

И в огромной усадьбе Цзян не нашлось места для старой собаки? Впрочем, чему удивляться: если уж его самого выставили за порог без сожалений, то что говорить о псе.

— Передай своим: я приду, — процедил Цзян Нин. — И отпраздную как следует.

\*\*\*

Вечером, во время занятий, Цзян Нин никак не мог сосредоточиться. Взгляд то и дело уплывал к сидящему рядом Чжиханю.

«Если я уеду, он расстроится? Или решит, что наконец избавился от обузы?»

Нет. Лу Чжихань не такой, как они.

Заметив его оцепенение, Чжихань набросал на листке пару шагов решения уравнения и подвинул к нему. Почерк был беглым, но поразительно изящным.

Завершив урок, Цзян Нин помедлил, а затем тихо окликнул:

— Лу Чжихань.

— М-м?

— Послезавтра я задержусь. Нужно уладить кое-какие дела после школы.

— Хорошо, — Чжихань на секунду задумался. — Во сколько тебя ждать?

— Пока не знаю.

Поезд отправлялся в полночь. Ему нужно будет успеть забрать вещи и объясниться с Чжиханем.

\*\*\*

Перед тем как отправиться на виллу семьи Цзян, Цзян Нин зашёл в супермаркет и вышел оттуда с тяжёлым пакетом.

Он взял такси. Рассматривая сквозь стекло знакомые улицы, парень впервые возвращался в дом Цзянов после своего изгнания. В качестве гостя.

Вилла выглядела так же, как и прежде.

Цзян Нин вошёл во двор прямо в школьной форме. Разговаривавшие на крыльце родственники мгновенно замолкли, уставившись на незваного гостя с некоторой тревогой.

— Зачем ты явился? — буркнул кто-то.

Цзян Нин окинул их насмешливым взглядом:

— Не бойтесь, я не скандалить пришёл и не денег просить. Прибыл поздравить молодого господина с днём рождения.

Присутствующие переглянулись с нескрываемым недоверием. Волк пришёл навестить овец — ожидать добра точно не приходилось.

— Ладно, пусть пройдёт, — подал голос глава семейства Цзян Хунчжи, зыркнув на пакет в его руках. — Хоть какому-то воспитанию научился, не с пустыми руками явился.

— Это не вам, — Цзян Нин прямо перед ними вытащил из пакета упаковку собачьего корма и

мясные консервы. — Впрочем, если есть желание — угощайтесь, я не против.

<http://bllate.org/book/19724/1944363>